

II. ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ И КОЛЛЕКЦИИ

Александр Алексеевич Измайлов — литературный критик и библиофил*

Александр Александров

В настоящей статье речь идет о книжном собрании известного критика и журналиста начала XX века А.А.Измайлова. Несмотря на то, что судьба библиотеки Измайлова не известна, по письмам и воспоминания автором работы прослеживается судьба отдельных экземпляров собрания. В статье приводятся уникальные дарственные надписи из архива критика на титульных листах подаренных ему книг.

Ключевые слова: А.А.Измайлов, библиотека, критика, А.М.Ремизов, современники

Имя Александра Алексеевича Измайлова, литературную деятельность которого современники окрестили как «нелживое зеркало современной литературы», хорошо знакомо историкам литературы. Он был свидетелем и активным участником литературного процесса 1900–1910-х годов, времени необычайно сложного, когда происходило переосмысление и крушение прежних ценностных установок, когда одни литературные направления сменялись другими, времени неопределенного и необычайно насыщенного всевозможными литературными событиями.

В литературу в 1895 году Измайлов вступил как беллетрист, печатая свои стихотворения, рассказы, фельетоны и очерки в «Живописном обозрении», «Сыне отечества», «Новостях» и других периодических изданиях. Почувствовал себя писателем, как потом он сам признается, в книге «Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей», «только после появления первой книжки рассказов “Черный ворон” в 1901 году»¹. Однако беллетристика Измайлову не принесла широкой популярности, а известен он стал благодаря своим

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ-17-34-01013 (а2) «Литературный отдел газеты “Биржевые ведомости”: переписки, редакционные материалы».

А.А.Измайлов. Начало 1900-х гг. ЛМ ИРЛИ

критическим статьям. Активную литературно-критическую деятельность Измайлов начал в «Биржевых ведомостях», где стал впоследствии присяжным литературным критиком. В этой газете практически каждую неделю, выходят его статьи о новостях в литературном мире и театре: обзоры новых произведений беллетристов и мэтров литературы, биографические сведения в честь памятных дат, сообщения о театральных премьерах, бенефисах, дебютах актеров и т.д. Сложно представить себе какое-либо литературное или театральное (в первую очередь Измайлова интересовал драматический театр) событие, хоть

немного значимое, на которое он не отозвался бы в еженедельном фельетоне. Блок, Бальмонт, Амфитеатров, Елпатьевский, Левицкая-Пашенко, Чириков, Пружанский, Леонтьев-Щеглов, Фофанов, Вячеслав Иванов, Тэффи, Ремизов, Луговой — все эти имена, некоторые из которых сегодня прочно забыты, становились объектом рассмотрения в статьях критика. Со многими писателями того времени он состоял в переписке. И впоследствии многочисленные встречи с литераторами, их письма позволили ему создать и осуществить издание серьезных монографий: «На переломе. Литературные размышления» (1908), «Помрачение божков и новые кумиры» (1910), «Литературный Олимп» (1911), «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (1913).

Известность Измайлову-критику принесли, в первую очередь, его работы о писателях реалистического направления. Он первым написал подробную, во многом не столько критическую, сколько научную биографию Чехова², Лескова³; актуальны и по сей день его работы о Толстом, Куприне, Ясинском, Достоевском, Лажечникове, Помяловском, Тургеневе⁴. Его статьи о писателях-реалистах получили самые высокие оценки современников. «Главная черта писательского темперамента Измайлова — спокойствие и достоинство: он не стучит лбом перед тем, что ему по душе, и не вешает собак на том, что ему не нравится. Он не бежит вприпрыжку за колесницей всякого нового веяния и не преклоняется традициям прошлого за то только, что они традиции прошлого, а всегда умет сохранить беспристрастие трезвого наблюдателя и судьи. <...> Измайлов не только критик, но и присяжный летописец литературы»⁵.

В откликах на критические выступления Измайлова о писателях-современниках рецензенты отмечали необычайную начитанность критика и большую его любовь к книге. Этот интерес был заложен, по словам литератора, еще в детстве, в семье, где прививалась детям любовь к книге и чтению. Впоследствии интерес к редким изданиям перерастает в серьезное увлечение.

Настоящим библиофилом Измайлов становится, по-видимому, вскоре после получения места в литературном отделе «Биржевых ведомостей». Приглашенный в 1898 году И.И.Ясинским в крупнейший к концу XIX века периодический орган печати Измайлов на многие годы становится бессменным обозревателем книжных новинок, литературным и театральным критиком этого издания. В год он публикует от двухсот до трех-

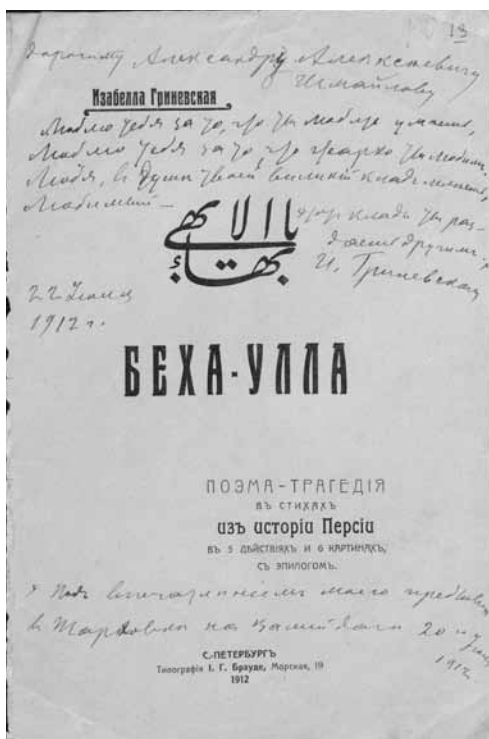
сот статей и заметок, а через его руки проходит практически вся современная ему литература. Многие авторы ищут с ним знакомства, дарят ему свои только что вышедшие произведения с инскриптами, многие просят о рецензии для себя и для других. В мае 1912 года, например, на просьбу В.В.Розанова, с которым Измайлов был дружен многие годы и который просил его о рецензии на книгу Н.Н.Шульговского (Лучи и грезы: Стихи, поэмы и миниатюры. С.-Петербург, 1912), отвечал: «Вы верите моей полнейшей и радостной готовности сделать вам все приятное, что в моих силах. Рад бы душой исполнить и дело о Шульговском» — маленькое «но» в этом случае в том, что не мне Вам уяснить. Вы по себе знаете ту заваленность книгами, к^{ото}рая буквально съедает меня. Сыплется буквально книжный град, — 70, 100 экз., в неделю. Путем ни до чего не успеваешь доходить»⁶.

Таким образом, важнейшим источником пополнения библиотеки Измайлова становится его профессиональная деятельность. Из переписок критика с писателями-современниками, а Измайлов был дружен без преувеличения со всем цветом русской литературы начала XX века, следует, что в его библиотеке были многие издания с инскриптами Андреева, Амфитеатрова, Розанова, Блока, Брюсова, Петрова, Ремизова и многих других. Не все издания современников критик ценил одинаково. Судя по потоку книг, поступавших в литературно-критический отдел «Биржевых ведомостей», рецензией награждались лишь избранные новинки. Не все подаренные ему книги удаивались полки в библиотеке критика: из целого ряда книг безжалостно вырывался титульный лист с инскриптом, а книга отправлялась, по-видимому, в мусорное ведро. В архиве Измайлова сохранилось 5 папок примерно по 40 единиц хранения каждая с обложками таких книг с дарственными надписями литератору. В основном это издания малоизвестных на сегодняшний день авторов, но среди них встречаются имена первого ряда, это автографы Брюсова, Ремизова, Сологуба. Также здесь обложки книг Гриневской, Вербицкой, Гиляровского, Лугового, Альбова и многих других.

Многие автографы позволяют прояснить значимые пересечения критика и писателей-современников, установить важные биографические сведения, прокомментировать эпистолярный. Например, когда состоялось знакомство Ремизова и Измайлова доподлинно неизвестно, но в архиве критика в коллекции с инскриптами писателей сохранился, предположительно,

шмуцтитул с дарственной надписью: «Александрю Алексеевичу Измайлову А.Ремизов. 30 ноября 1909»⁷. Это первое, известное нам, зафиксированное пересечение двух современников. Среди этих автографов есть и поэтические экспромты. Например, в 1912 году И.Гринеvская отдыхала на съемной даче у Измайлова в Тарховке, вместе с его женой. Впечатления от этой поездки вылились в поэтический экспромт, записанный 22 июля 1912 г. на титульном листе книги «Беха-Улла»:

Люблю тебя за то, что ты любить умеешь,
Люблю тебя за то, что жарко ты любим!
Любя, в души твоей великий клад лелеешь!
Любимый этот клад ты раздаешь другим⁸.

Дарственная надпись А.А.Измайлову от автора на титульном листе книги: Гринеvская И.А. Беха-Улла. СПб., 1912

Здесь инскрипт Брюсова («Александрю Алексеевичу Измайлову дружески Валерій Брюсов. 1910»)⁹ на титульном листе книги: Брюсов В. Я. Испепеленный: К характеристике Гоголя: (Речь, прочитанная на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г.). Изд. 2-е. М.: Скорпион, 1910. 54, IX с.

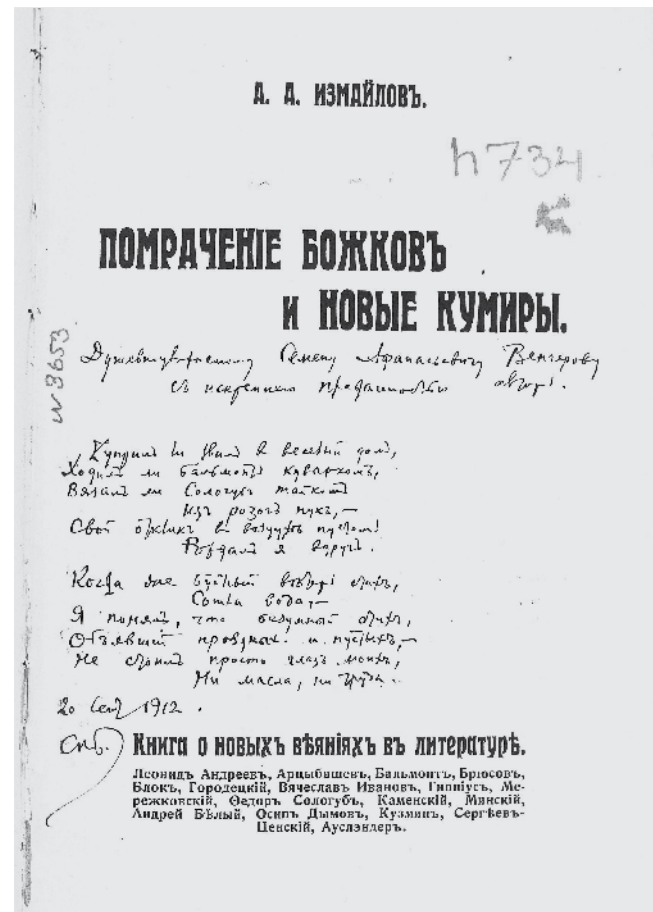
Другой библиографической страстью Измайлова были книги, связанные с оккультизмом, мистикой и масонством. За этими книгами он охотился на книжных развалах Апраксинского рынка и в петербургских букинистических магазинах. В 1909 году дочерям В.В.Розанова критик дарит редкое издание беллетриста и драматурга 1880-х годов своего однофамильца

Л.Н.Андреев и А.А.Измайлов на балконе второго этажа дома Андреева в Ваммельсуу. 1909. ЛМ ИРЛИ

А.А.Измайлов и его гражданская жена Клавдия Владимировна де Планьи в кабинете критика на фоне его библиотеки. [1912]. РГАЛИ. Под фотографией рукой В.В.Розанова: Измайлов и его "Клодина" — его слова. Очень милая женщина (с ребенком) очень несчастная в замужестве, очень его любящая. Фотография послана Измайловым Розанову в ноябре 1912 г. На обороте дарственная надпись: Дорогому Василию Васильевичу Розанову. От искреннейшего почитателя его человеческой интересности его огромного, оригинальнейшего таланта. С любовью и уважением А.Измайлов. РГАЛИ

Дарственная надпись С.А.Венгерову от автора на титульном листе книги: Измайлов А.А. Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. Библиотека ИРЛИ РАН. Душевноуважаемому Семену Афанасьевичу Венгерову с искреннею преданностью автор.

Куприн ли звал в веселый дом,
Ходил ли Бальмонт кувырком,
Вязал ли Сологуб тайком
Из розог пук, —
Свой отклик в воздухе пустом
Рождал я вдруг.

Когда же буйный ветер стих,
Сошла вода, —
Я понял, что безумный стих,
Объяввший праздных и пустых, —
Не стоил просто глаз моих,
Ни масла, ни труда.
20 сент. 1912. СПб.

И.Н.Измайлова. В ответном письме В.В.Розанов благодарит своего коллегу за столь дорогое издание, называя эти книги очень ценными и не рассчитывая на столь щедрый подарок, переспрашивает о возможности оставить посланные книги. В свою очередь Измайлов кокетливо отвечает: «Конечно, я разумел, что “дарю” Вам посылаемые книжки и, если не написал целиком этого слова, то только потому, что мне казалось оно почти смешным в прилож^{ен}ии к такому пустяку. Было похоже — “на тебе, небоже” и т.д. Так что и теперь могу только повторить, — не побрезгуйте. У меня есть кой-что интересное по масонству. “Ключ к таинству природы”¹⁰, “Об ордене Св. Креста”¹¹ и т.д. — С этим небось мне жалко расстаться. Как курьез сообщу Вам, что один из известн^{ых} с^{анкт}-п^{етер}б^{ургских} антиквариетов сказал моему знакомому (не зная, что мой знакомый), что теперь-де на рынке масонских книг мало, — “все Измайлов скупил”. А у меня — соверш^{енные} пустяки. Так пишется история и создается репутация»¹².

Интерес Измайлова к оккультизму нашел отражение и в его художественном творчестве. В 1912 году «дешевой библиотекой» «Синего журнала» были отдельно изданы рассказы «Феникс», «Хиромант», «Призор очес»¹³ с подзаголовком «мистические рассказы». Да и сама фигура критика у многих современников ассоциировалась с таинственным и мистическим. В мемуарной литературе начала XX века сохранились упоминания о повышенном интересе Измайлов к личности Григория Распутина, что само по себе говорит об определенном отношении литератора к загадочному, необъяснимому. Воспоминание об Измайлове в интересующем нас ключе сохранила Тэффи, которую литератор пригласил вместе с еще несколькими писателями на встречу со старцем. В очерке «Распутин» она описывает подробности встречи и рисует портрет Измайлова в характерном «черном» квази-готическом стиле: «Измайлов — худой, черный, в черных очках, весь точно чернилами нарисованный, голос глухой. Даже жутко стало. Измайлов вообще был человек жутковатый: жил на Смоленском кладбище, где отец его был когда-то священником, занимался чернокнижием, любил рассказывать колдовские истории, знал привороты и заклинания, и сам, худой, бледный, черный, с ярко-красной полоской узкого рта, похож был на вурдалака»¹⁴.

Интерес Измайлова к мистицизму и к редким оккультным изданиям нашел художественное отражение в одном его не-

большом рассказе «Букинист». Здесь же приводится рельефное и не лишенное автобиографизма описание книжных развалов Апраксинского рынка. Приведем значительный отрывок из этого произведения:

«В свободный час я люблю бродить по лавкам наших антиквариетов разного рода. Под низкими потолками помещений Апраксина и Александровского рынков еще посейчас есть многое, стоящее высокого внимания. В старину водились в них настоящие сокровища. Теперь здесь не найти Рембрандта или Вандика [Ван Дейк] “за красненькую”, но можно найти Айвазовского и наткнуться на великолепные уникалы старого искусства или на книгу, уцелевшую от воды, огня и даже от острия меча цензора эпохи Екатерины и Александра Благословенного, когда, после истории с Новиковым, а потом указа о закрытии масонских лож, книги жгли тысячами. Иногда удастся отыскать здесь и интересную рукопись, как удалось, например, найти однажды переписку Герцена на московской толкучке.¹⁵ В этих лавках старинщиков среди всевозможного бумажного хлама подчас не редкость встретить кой-кого из наших литературных стариков или записных любителей старины. Несколько лет назад здесь можно было часто видеть старика Лескова с палкой, в шубе и меховой шапке с козырем, покойного певца Стравинского, большого библиомана, или старообрядческой складки фигуру знаменитого библиографа Е. Эти уж были аристократами в искусстве и людьми состоятельными, но сюда же властно тянет и литературную богему. Это для нее своего рода благородный спорт, захватывающий не практическим расчетом купить рубль за алтын, но удовлетворяющий законной потребности красивого, которое изящной душе хочется насадить даже и в убогой “меблировке”. Потому-то эту, в молодости заведенную слабость, трудно бросать и придя в возраст и завоевав положение. Есть ко всему этому какое-то прикосновение старины к тайне, что-то в ней манящее и интригующее, и это влечет в свою меру и силу. Наконец, среди самих старинщиков попадаетея любопытный и своеобразный тип людей, с которыми литературному человеку иногда поговорить любопытно и полезно. Видимо, одно простое, но постоянное прикосновение к книге отбрасывает луч света даже на простецкий ум, и мне случилось находить здесь людей серьезной и многогранной начитанности и живого природного смысла»¹⁶.

В этом же рассказе, в эпизоде, где описывается владелец

антикварной лавки, упоминаются масонские книги, о которых критик сообщал в приведенном нами выше письме к Розанову:

«Он, видимо, был старинщиком по призванию, и на его лице, несмотря на странно замаскированные глаза, можно было читать настоящую, редко встречаемую теперь любовь к книге, когда он бережно вытаскивал с полки за корешки потускневшие и выцветшие томики. — Капнистова “Ябеда”, — говорил он, обтирая рукавом пыль с переплета. — Первое издание. Узнается по сему гравированному фронтиспису. По высочайшему повелению отобрана во всех лавках. Автор сослан в Сибирь, но в тот же день возвращен обратно с возведением в следующий чин. А вот для нас с вами любопытное — “Колыбель камня мудрых”. Писана на языке масонов и сплошь курсивом. Из библиотеки розенкрейцера Шварца с его пометкой и exlibris. “Об нетлении и сожжении всех вещей по чудесам в царстве природы и благодати”. “Хризомандер” — открывает тайну алхимии. Сожжена яко вредная. “Образ жития Энохова”. Предисловие изымалось и сжигалось. Книготорговец Заикин был схвачен с нею на улице и приговорен к наказанию кнутом с вырезанием ноздрей и ссылке в каторжную работу. Экземпляры с предисловием — реже белого ворона. “Божественная и истинная метафизика” — Иоанна Пордеча. Напечатана в тайной масонской типографии. В продажу не шла, токмо вручена главным сановникам масонства. Оставшееся — сожжено. Гион — “О последовании младенчеству Иисуса”. Баснословно ценилась во дни мистицизма. А вот “Душеньки” шестое издание. Для нас с вами не нужно, а иным — великая ценность. Вся сгорела до выпуска в продажу, в наше время галлов. Шестое, а ценнее и второго и третьего, потому те с пропусками, а это да первое — полные. А вот “Письма к другу об ордене Святого Креста”. Очень редка. Извольте видеть назидательный виньет. На выходном листе книги развернулась в самом деле оригинальная виньетка-гравюра. Радуга опоясала землю. Уткнувшись в грязь рылом, спала свинья. Осел, стоя задом к радуге и солнцу, щипал траву. Взлезшая на дерево обезьяна одной рукой держалась за ветвь, другой бросала камень в радугу»¹⁷.

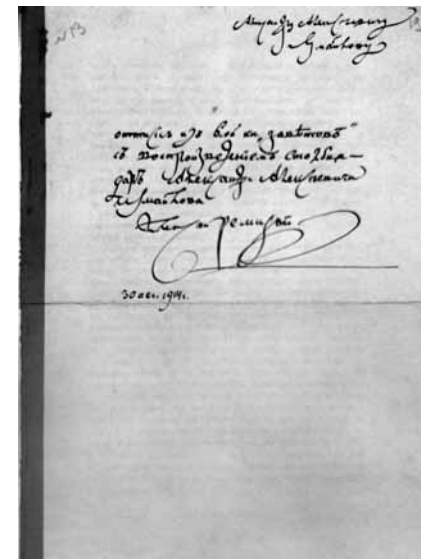
С большой вероятностью можно утверждать, что раритетные издания, упомянутые в рассказе «Букинист» присутствовали в библиотеке критика. Детализированное описание владельческих атрибутов, а также документальное свидетельство (уточнение в письме к Розанову) об отдельных изданиях, упомянутых в рассказе, подтверждает наше предположение о нахождении

редких книг в личной библиотеке критика.

Еще один библиографический интерес Измайлова был связан непосредственно с его происхождением из духовного сословия и обращен на древнерусские издания, которые в начале XX века хоть и считались большой редкостью, но были доступны для коллекционеров. Издания, связанные с русской древностью критик подробно обсуждает в переписке со знаменитым любителем старины и стилизатором А.М.Ремизовым. Современники проявляют обоюдный интерес к фолиантам: они писали друг другу о приобретенных иконах, делились впечатлениями о старинных книгах.

В 1912 году Измайлов приглашал к себе в гости писателя, ознакомить с редкой книгой, оказавшейся у него на время: «На днях <...> один дьякон принес мне преинтересную книгу. Какие-то сказания о ветхозавет<ных> событиях, но не по библии, а по каким-то легендам. Очевидно, как<ой>-то хронограф. Рукописный, старый. Думаю, что оч<ень> старый. В первую же минуту подумал о Вас, — вот бы кому! Если бы вздумали посмотреть, — милости прошу. Спишемся или сговоримся. Отдать книги не могу даже самому верному ч<е>л<ове>ку, ибо дал ему слово не передавать в другие руки. Книга, вероятно, денежная»¹⁸. В свою очередь Ремизов предлагает Измайлову ознакомиться у своего приятеля С.Л.Сегалю с требником Петра Могилы (изданием 1646 г.)¹⁹.

С 1910-х годов у Измайлова и Ремизова складываются приятельские отношения; современники преподносили друг другу традиционные для двух пишущих людей подарки — книги собственного сочинения. Ремизов в свою очередь неоднократно проявлял оригинальность: на именины в 1912 году он преподнес Из-

Дарственная надпись А.А.Измайлову от автора на оттиске первой публикации: Ремизов А.М. Россия в письмах: Столбец: Письмо горностаево // Заветы. 1914. Кн. 6. Отд. 1. С. 178–188

майлову игрушку из своей коллекции — птицу-колпалицу, а из поездки 1913 года в Троице-Сергиеву лавру привез в качестве сувенира ложку.

В свою очередь, как следует из письма Ремизова от 30 апреля 1914 г., Измайлов подарил писателю древнерусскую рукопись-свиток, так называемый столбец, приобретенный, по-видимому, в антикварной лавке или на букинистических развалах Апраксинского рынка. Текст рукописи лег в основу ремизовской публикации «Столбец», впоследствии вошел в цикл «Россия в письмах»²⁰. Оттиск первой публикации с инскриптом писателя сохранился в архиве критика:

«Александр Алексеевичу Измайлову

Оттиск из 6-й книги „Заветов“ с воспроизведением столбца — дар Александра

Алексеевича Измайлова.

Алексей Ремизов

30 авг<уста> 1914 г.»²¹

Активное пополнение букинистической коллекции Измайловым, по-видимому, продолжалось вплоть до революции. После 1917 года, несмотря на безденежье и даже голод, ему удалось сохранить свое собрание. 8 марта 1919 г. литератор сделал запись в альбоме В.И.Анненского-Кривича: «...Встречаемся в такие времена, когда даже странно писать в альбом, видеть альбом не на развале толкучки, не в руках уличной торговки, не истопника, собирающегося растопить им печку. Странные, страшные единственные времена, когда Бог борется с Дьяволом и Дьявол борет... Будем живы, — будем интересными стариками...»²² В то время, когда уникальные владельческие библиотеки продавались за бесценок, а порой и бросались на произвол своими хозяевами, спешно покидавшими родину, библиотека Измайлова оставалась в сохранности. Навещавший критика в 1918–1920-х годах В.В.Смиринский в своем небольшом мемуарном очерке оставил о кабинете критика следующее воспоминание: «Я ходил по его кабинету и все время старался запомнить расположение вещей, книг и мебели. Две стены его кабинета заняты книжными полками, и кого только на них нет! Я до сих пор еще не встречал ни у кого из писателей подобной библиотеки. Кроме богатого подбора русских книг — у него очень много было заграничных изданий»²³.

После 1917 года Измайлов прожил еще несколько лет. В эти годы он категорически отказывался смириться с действитель-

ностью и никак не мог согласиться с изменением политического строя в стране, не принял Октябрьскую революцию. Литератор не стал участвовать в 50-летнем литературном юбилее переориентировавшегося на новые революционные реалии Ясинского²⁴. До последних дней жизни надеялся на контрреволюционный переворот²⁵. Умер критик 16 марта 1921 г., похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге. «На похоронах присутствовали: Федор Сологуб, Иероним Ясинский и профессор Сперанский. Гроб был опущен в полном молчании: Александр Алексеевич завещал на могиле ничего не говорить»²⁶.

Наследником рукописного архива критика стал его родной брат Алексей Алексеевич Измайлов, который в 1926 году продал архив в Рукописный отдел Пушкинского Дома (акт приема материалов составлен 13 мая 1926 г.)²⁷. Библиотека досталась в наследство племяннице литератора — Ариадне Алексеевне Измайловой²⁸. Дальнейшая судьба библиотеки нам неизвестна.

Примечания

² Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф.Ф.Фидлер. М., 1911. С. 32–35.

³ См: *Измайлов. А.* Чехов. 1860–1904: Биогр. набросок [Жизнь. Личность. Творчество]. М., 1916. VIII, 592 с.

⁴ См: *Измайлов А.А.* Лесков и его время / Подгот. текста, преамбула А.С.Александрова (в соавт. с О.Л.Фетисенко) // Н.С.Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб., 2011. 590 с.

⁵ См: *Измайлов А.А.* Литературный олимп: Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911. 472 с.

⁶ *Н.Л. [Лернер Н.]*. А.Измайлов. Литературный олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911 // Исторический вестник. 1911. № 11. С. 779–780.

⁷ *Измайлов А.А.*: Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А.С.Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А.С.Александрова, Э.К.Александровой, Н.Ю.Грякаловой. СПб., 2017. С. 460.

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 71.

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. 1. К стихотворению сделано примечание: «Под впечатлением моего пребывания в Тарховке на Вашей даче 20го июля 1912 г.».

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 50.

¹¹ Труд в четырех частях баварского теософа второй половины XVIII в. Карла Эккартсгаузена: Ключ к таинствам природы: в 4 ч. / [Пер. А.Ф.Лобазина]. СПб., 1804; 2-е изд. [СПб., 1821].

¹² Точное название: Письма к другу и завещание сыну об Ордене св. Креста». Пер. с нем. [А.Ф.Лабазина]. СПб., 1816. VIII, 225 с. Автор книги — Иоанн Август Штарк.

¹³ *Измайлов А.А.*: Переписка с современниками. С. 418.

¹⁴ *Измайлов А.А.* Феникс. Хиромант. Призор очес. СПб., 1912. 59 с.

¹⁵ *Тэффи.* Распутин // Тэффи. Смешное в печальном: Рассказы. Авантюрный роман. Портреты современников. М., 1992. С. 380.

¹⁶ В архиве Измайлова не сохранилась. Возможно, это вымысел или история, слышанная им от знакомых коллекционеров.

¹⁷ *Измайлов А.А.* Букинист: (Рождественский рассказ) // Новая иллюстрация. 1903. № 51–52. С. 411–414.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Измайлов А.А.*: Переписка с современниками. С. 346.

²⁰ Там же. С 343.

²¹ *Ремизов А.М.* Россия в письмах: Столбец: Письмо горностаево // Заветы. 1914. Кн. 6. Отд. 1. С. 178–188.

²² *Измайлов А.А.*: Переписка с современниками. С. 364.

²³ *Анненский-Кривич В.И.* Литературная тетрадь // РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 101.

²⁴ *Скорбный Андрей [Смиренский В.В.]*. Александр Алексеевич Измайлов: монография. Пб., 1922. С. 9–10.

²⁵ Ср.: «...Когда праздновался мой 50-летний юбилей в помещении Государственного издательства, меня чествовали коммунисты уже в сравнительно скромной обстановке, Александр Алексеевич побоялся выступить и объяснил моим родным, что он приготовил уже большую речь, но, во-первых, Лемке обрисовал меня так хорошо, как он сам не мог бы обрисовать при всем знании его моих сочинений и всей моей литературной деятельности, а с другой стороны, он считает себя чуждым той атмосфере, в которой я стал дышать. Александр Алексеевич по своим убеждениям был умеренным либералом, или так называемым либералом-консерваторм, тихо возмущался произволом правительственных чиновников, но революция ему казалась еще большим произволом» (*Ясинский И.И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний: в 2 т. / Сост. Т.В.Мисникевич и Л.Л.Пильд. Т. 1. М., 2010. С. 537).

²⁶ См.: Там же. С. 541.

²⁷ *Скорбный Андрей [Смиренский В.В.]*. Указ. соч. С. 20.

²⁸ О судьбе архива Измайлова см.: *Иванова Т.Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. СПб., 2006. С. 138.

²⁹ См.: Записка *Ясинского И.И., Сологуба Ф.К., Сперанского В.Н.* и др., удостоверяющая о наследовании библиотеки *Измайлова А.А.* его племянницей *Измайловой Ариадной Алексеевной* // РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 190.

Книги из библиотеки Н.П.Лихачева в собрании Всероссийского музея А.С.Пушкина

Елена Субботина

В статье рассматриваются книги из библиотеки Н.П.Лихачева, хранящиеся в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина. Семейная библиотека рода Лихачевых, собиравшаяся в течение длительного времени, досталась ученому по наследству и соединилась с его собственным собранием. В 1930-х гг., после ареста и ссылки Н.П.Лихачева, его библиотека была передана в Библиотеку Академии наук.

Несколько книг в 1950-х гг. оказались в книжных фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина. Рассматриваются книги с экслибрисами П.Ф.Лихачева, Н.П.Лихачева, с дарственными записями Н.В.Соловьева, Л.Э.Бухгейма, Б.Л.Модзалевского. Прослеживается судьба ученого и его собрания после революции.

Ключевые слова: Н.П.Лихачев, П.Ф.Лихачев, семейная библиотека, дарственные записи, Экслибрис Н.П.Лихачева.

«Память о любителях и собирателях книг сохраняется, почти исключительно, по тем следам принадлежности, которые оставляются владельцами на проходивших через их руки экземплярах. Библиотеки, состоявшие из книг, не носивших на себе тех или иных знаков принадлежности, расходятся по рукам, оставляя на вечное забвение имя своего прежнего владельца, все равно, был ли он великодушный любитель, считавший книгу своей „et amicorum“, или библиограф, скрывавший свои сокровища от всех посторонних, а иногда, по недостатку свободного времени, и от самого себя»¹, — писал о судьбе книг Николай Петрович Лихачев, известный историк, археограф, искусствовед, крупнейший источниковед, специалист в области дипломатики, нумизматики и сфрагистики, коллекционер, академик, создатель музея палеографии. 24 апреля 2017 г. исполнилось 155 лет со дня рождения выдающегося ученого.

Книжные знаки (экслибрисы, штампы, наклейки), а также